ББК 67.410.201

И.В. Смолькова,
доктор юридических наук, профессор

НУЖЕН ЛИ ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ?

Статья посвящена одной из остро дискуссионных проблем науки уголовно-процессуального права – проблеме сохранения в уголовном судопроизводстве такого его участника, как подозреваемый. По данному вопросу в литературе высказано несколько позиций, некоторые из них ставят под сомнение целесообразность существования подозреваемого, аргументируются эти позиции ссылками на несоответствие статуса подозреваемого принципам презумпции невиновности, неприкосновенности личности и состязательности процесса. Автор подвергает критике эти позиции, считая, что исключение фигуры подозреваемого из числа участников уголовного судопроизводства может кардинально изменить российскую модель уголовного процесса, что вряд ли своевременно и целесообразно.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство; подозрение; подозреваемый; обвиняемый; предъявление обвинения.*

The article is devoted to one of the most controversial problems of the science of criminal procedure law – the problem of the preservation of such a participant as a suspect in criminal proceedings. Several positions have been expressed in the literature on this issue, some of them question the expediency of the suspect, are argued by referring to the inconsistency of the status of the suspect with the principles of the presumption of innocence, personal integrity and the adversarial process. The author criticizes these positions, believing that the exclusion of the figure of the suspect from the number of participants in criminal proceedings can radically change the Russian model of the criminal process, which is hardly timely and appropriate.

Keywords: *criminal proceedings; suspicion; suspect; accused; indictment.*

> Среди множества участников уголовного процесса нет, пожалуй, более сложной, неопределенной, а потому уязвимой и «страдательной» фигуры, чем подозреваемый.
>
> *А.А. Давлетов, В.Г. Войт*

В российском уголовном судопроизводстве в продолжение многолетней законодательной традиции подозреваемый сохраняется в качестве его участника, причем, участника, наделенного довольно широким кругом процессуальных прав и действующего на протяжении достаточно длительного времени.

В уголовном судопроизводстве многих стран такая фигура, как подозреваемый, вообще отсутствует.

В международных документах термин «подозреваемый», как и термин «подозрение», практически не используется, главным образом в них фигурирует термин «обвиняемый» (как правило, включающий и подозреваемого), обозначающий «лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование»; кроме того, используются и иные терминологические названия этого участника уголовного судопроизводства.

Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года употреблены такие термины, как «задержанный», «арестованный» (статья 9) [16, с. 53].

В Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц,

© Смолькова И.В., 2020

пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 года, – «предполагаемый преступник», означающий «лицо, в отношении которого имеются доказательства, достаточные для установления prima facie (на первый взгляд), что оно совершило одно или более преступлений, предусмотренных статьей 2» (часть 2 статьи 1) [10].

В Конвенции против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года – «лицо, находящееся под стражей» (часть 3 статьи 6); «лицо, подозреваемое в совершении преступления» (часть 1 статьи 7); «лицо, подвергнутое в любой форме аресту, задержанию» (статьи 10, 11) [11, с. 230].

В Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (далее – Свод принципов защиты), от 9 декабря 1988 года – «задержанное лицо», «лица, подвергнутые задержанию или заключению в какой бы то ни было форме» (принцип 1) [22, с. 212].

В Стандартных минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правилах), от 14 декабря 1990 года – лица, в отношении которых ведется уголовное преследование, называются «правонарушителями», независимо от того, подозреваются они или обвиняются в совершении преступления (статья 5) [23, с. 221].

В Европейской конвенции о выдаче ETS № 024 от 13 декабря 1957 года – «лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование в связи с каким-либо преступлением» [6].

Из приведенных положений следует, что в международных актах при определении процедуры привлечения лица к уголовной ответственности, даже первоначальные версии органов, осуществляющих расследование преступлений, рассматриваются как обвинение, а соответствующее лицо в этот период – в качестве некой «промежуточной» фигуры, и особым процессуальным статусом подозреваемого не наделяется.

В самом широком смысле слова «подозреваемый» – это «лицо, совершившее преступление», однако эти понятия не тождественны: подозреваемый может оказаться «лицом, совершившем преступление», а может и не быть к нему причастным. Н.И. Малыхина в этой связи справедливо отмечает, что понятие «лицо, совершившее преступление», должно использоваться для обозначения «объективно существовавшего на момент совершения преступления человека... независимо от знаний следователя, суда о нем» [15, с. 20].

В современной российской уголовно-процессуальной литературе высказано четыре позиции относительно необходимости существования подозреваемого в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства.

Первая позиция заключается в том, что фигуру подозреваемого следует из уголовного судопроизводства вообще исключить. Данная позиция имела место еще в советский период, некоторые авторы выступили против сохранения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [25] (далее – УПК РФ) понятия «подозреваемый», считая, что это может привести к вовлечению граждан по подозрению в уголовный процесс без достаточных оснований, а значит, и к нарушению их прав [20, с. 31; 21, с. 60].

В настоящее время сторонники этой позиции С. Попов и Г. Цепляева считают, что необходимость сохранения фигуры подозреваемого в современном уголовном судопроизводстве вызывает серьезные сомнения, поскольку содержание норм УПК РФ, посвященных подозреваемому, явно противоречит его основополагающим принципам: презумпции невиновности (ибо признание вины уже давно не считается «царицей доказательств»), состязательности сторон и неприкосновенности личности [19, с. 31].

К аналогичному выводу пришел и В.Н. Григорьев. В статье с довольно красноречивым названием «Институт подозреваемого завершает свою историческую миссию?» он полагает, что статус подозреваемого в дальнейшем будет не нужен, достаточно категории обвиняемого при условии, если в дальнейшем будет создан правовой механизм защиты прав пресле-

дуемого в уголовном порядке лица путем предоставления ему возможности отстаивать свои интересы не в зависимости от своего формального статуса, а по факту ущемления прав или ограничения свобод без использования такого правового инструмента, как институт подозреваемого [3, с. 122].

Л.В. Макаров и Ю.А. Портнов в статье с не менее красноречивым названием «Подозреваемый в уголовном судопроизводстве – наследие прошлого или осознанная необходимость?» также считают, что подозреваемый, как минимум – спорный, а как максимум, – лишний участник российского уголовного судопроизводства. Аргументируется это мнение тем, что фигура подозреваемого достаточно удобна только для органов предварительного расследования, так как допускает возможность применения к нему мер принуждения при «неуверенности» в виновности подозреваемого лица. С точки зрения этих авторов, нет никакой необходимости в выделении специфической фигуры подозреваемого только для того, чтобы так именовать человека, в отношении которого имеется всего лишь обоснованное подозрение. В итоге они предлагают исключить подозреваемого из числа участников уголовного судопроизводства, оставив только обвиняемого и распространив на него положения статьи 46 УПК РФ («Подозреваемый») [14, с. 191, 193].

Вторая позиция в какой-то мере близка первой, но она исходит из других соображений, а именно из того, что нет необходимости в существовании в уголовном судопроизводстве ни подозреваемого, ни обвиняемого. Разделяющий эту позицию А.А. Тарасов считает, что если каждый человек, в отношении которого осуществляется властная правоприменительная деятельность, гарантирован от злоупотреблений конкретных должностных лиц, не рискует оказаться в самой критической ситуации без квалифицированной юридической помощи; если он гарантирован от уголовной ответственности в случае своей невиновности, то становится абсолютно неважно, как называется его процессуальный статус и какими документами он оформляется. С его точки зрения, лицу, подвергающемуся уголовному преследованию, безразлично, называют его подозреваемым или обвиняемым, однако при условии предоставления и обеспечения ему права на защиту во всех его составляющих. При соблюдении сложившихся в мировой практике стандартов справедливого правосудия, рассуждает автор, необходимость в дублировании процессуального статуса идентичных процессуальных фигур, какими являются подозреваемый и обвиняемый, может отпасть, а законодательный выбор между ними может быть сформирован путем суммирования всех прав, присущих обоим статусам, для создания единого статуса лица, подвергающегося уголовному преследованию [24, с. 34, 36, 40].

Аналогичны в этом плане рассуждения В.Т. Томина и Е.Н. Карпова, считающих, что в уголовном судопроизводстве существует такой участник уголовного судопроизводства со стороны защиты, как «лицо, в отношении которого ведется производство по делу, вовлекаемое (вовлеченное) в производство для его осуществления в отношении него», который объединяет подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, оправданного или осужденного. Но в зависимости от стадии уголовного процесса и характера (результата) осуществляемой в отношении него уголовно-процессуальной деятельности он имеет различный объем прав и обязанностей [26, с. 335].

Небезынтересно в связи с рассматриваемой проблемой сослаться на изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Франции (далее – УПК Франции) Законом от 15 июня 2000 года, в соответствии с которыми этап предъявления обвинения упразднен, а фигура обвиняемого (подозреваемого там вообще не было и нет) заменена на такого участника процесса, как «лицо, привлеченное к рассмотрению», которым признается «лицо, против которого имеются серьезные и согласованные между собой доказательства, правдоподобно свидетельствующие, что оно принимало участие в совершении деяний, по факту которых следственный судья принял дело к своему производству» (статья 80.1). По УПК Франции лицо, в

отношении которого имеются серьезные и согласующиеся между собой улики относительно его причастности к деяниям, по факту которых следственный судья принял дело к своему производству, может быть допрошено либо в качестве лица, привлеченного к рассмотрению, либо в качестве особого участника уголовного процесса – «ассистируемого свидетеля», который допрашивается без присяги и может пользоваться помощью защитника (статья 105) [13, с. 193, 196].

По мнению Л.В. Головко, такое изменение терминологии в УПК Франции совсем неслучайно, а объясняется стремлением законодателя более последовательно отстаивать принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве, поскольку использование слов, содержащих корень «вина», а это слова «обвинение», «обвиняемый», этому принципу противоречат [2, с. 316].

Интерес также представляет и отношение к данной проблеме в Австрии, где на протяжении многих лет обсуждается вопрос о необходимости перехода от «формального» к «материальному» понятию подозреваемого. В подготовленной Министерством юстиции Австрии Объяснительной записке к Проекту реформы предварительного следствия отмечается: «Новое определение подозреваемого (обвиняемого) должно быть освобождено от принадлежащего прошлому столетию, взятого из гражданского права понятия «процессуального отношения»... В будущем обвиняемым должен быть тот, кто в качестве подозреваемого в причастности к преступлению лица подвергается любому, по меньшей мере, фактическому действию, связанному с уголовным преследованием, которое служит – по меньшей мере, также – выяснению этого подозрения. Формально – конститутивный акт, типа объявления о начале уголовного преследования, не требуется, так как подозреваемый занимает правовое положение обвиняемого не тогда, когда этого захочет прокуратура, но тогда, когда это правовое положение необходимо ему (для пользования своими правами) вследствие направленного против него уголовного преследования» (цит. по: [8, с. 64]).

Третья позиция состоит в том, что в уголовном судопроизводстве необходимо оставить только подозреваемого, а обвиняемого, наоборот, исключить. Данную позицию выдвинул и отстаивает С.И. Пономаренко, по его мнению, подозреваемый должен стать постоянным и основным участником предварительного следствия [18, с. 17]. Эту точку зрения разделяют и другие авторы [7, с. 13]. В развитие этой позиции Б.Я. Гаврилов предлагает заменить «институт предъявления обвинения на процессуальные нормы о привлечении лица в качестве подозреваемого», аналогичные процессуальным нормам, регулирующим предъявление обвинения в досудебном производстве, считая институт предъявления обвинения «правовым анахронизмом». По его мнению, УПК РФ нивелировал разницу в правовом статусе подозреваемого и обвиняемого, поскольку содержание норм о подозреваемом (статья 46 УПК РФ) практически ничем не отличается от норм об обвиняемом (статья 47 УПК РФ). Автор полагает, что такие преобразования будут способствовать упрощению досудебного производства по уголовному делу и позволят государству значительно сократить необоснованные расходы на эту сферу деятельности [1, с. 333].

Д.В. Демин и И.М. Алексеев также рассматривают предъявление обвинения в качестве «инородного тела», которое совершенно не отражает сущности института обвинения в уголовном судопроизводстве, полагая, что одновременное наличие подозреваемого и обвиняемого в уголовном судопроизводстве вызвано только вопросами законодательной техники ввиду строго формализованного построения уголовного судопроизводства [5, с. 126, 127].

Близко к этим рассуждениям мнение И.В. Петрова, который считает, что этап привлечения лица в качестве обвиняемого возбуждает не обвинение, как принято считать, а реализует подозрение, поскольку нельзя сначала обвинить человека, а затем продолжить доказывать его виновность [17, с. 135].

Солидаризируясь с этой позицией, А.П. Кругликов в ее подтверждение ссылается, как и сторонники второй позиции, на презумпцию невиновности, означающую

не что иное, как предположение о невиновности, поэтому, на его взгляд, следует оставить только подозреваемого, а вот фигуру обвиняемого упразднить. Задав такой вопрос: «Если предполагается, что обвиняемый до вступления в отношении него обвинительного приговора в законную силу является лицом, невиновным в совершении преступления, то каким же участником уголовного судопроизводства должно быть лицо, представшее перед судом?» – сам на него и отвечает: только подозреваемым. По его мнению, в действительности перед судом находится подозреваемый в совершении преступления, поскольку лицо, в отношении которого имеется хотя бы обоснованное, но всего лишь предположение о совершении им преступления, является подозреваемым. На этом основании автор предлагает дополнить статью 46 УПК РФ положением о том, что подозреваемым является также лицо, в отношении которого вынесено постановление о предъявлении обвинения, либо обвинительный акт, либо обвинительное постановление, считая, что это нововведение позволит преодолеть обвинительный уклон в отечественном правосудии, поскольку заставит органы предварительного расследования более тщательно собирать доказательства виновности или невиновности подозреваемого, а судья, понимая, что перед ним на скамье подсудимых находится лицо, лишь подозреваемое в совершении преступления, внимательнее будет относиться к исследованию и оценке имеющихся в деле доказательств и доказательств, полученных в ходе судебного следствия [12, с. 105, 107, 110].

М.Ю. Колбеева, поддерживая анализируемую позицию, также полагает, что необходимо исключить фигуру обвиняемого из стадии предварительного расследования, а подозреваемого признать постоянным участником досудебных стадий уголовного судопроизводства вплоть до момента вынесения обвинительного заключения. С ее точки зрения, статус обвиняемого подозреваемый должен приобретать с момента составления обвинительного заключения с сохранением права знакомиться со всеми материалами уголовного дела и обвинительным заключением [9, с. 113].

В приведенной аргументации имеется определенный резон, однако исключение фигуры обвиняемого из числа участников уголовного судопроизводства должно повлечь за собой довольно радикальные изменения практически всех основных институтов уголовного судопроизводства: презумпции невиновности обвиняемого, права обвиняемого на защиту, предъявлении обвинения, сущности обвинительного заключения и т. д. То есть, по сути, необходимо провести кардинальную реформу уголовного судопроизводства. Реально ли это в современных условиях? Думается, что нет, да в этом и нет никакой необходимости.

Четвертая позиция заключается в том, что подозреваемый, как и обвиняемый, должен оставаться в числе участников уголовного судопроизводства. Эту позицию разделяет подавляющее большинство процессуалистов.

Представляется, с суждениями об упразднении фигур подозреваемого и обвиняемого согласиться трудно, ибо курс наших исследователей на реформирование уголовного судопроизводства уже приобрел какую-то странную направленность: «реформирование ради реформирования», «упрощение ради упрощения»: радикально упрощено дознание, на котором нет предъявления обвинения, введен «особый порядок судебного разбирательства» (глава 40 УПК РФ), исключающий анализ доказательств в судебном заседании, до крайности расширено единоличное рассмотрение уголовных дел судьей и др. Приходится с сожалением констатировать, что в науке уголовно-процессуального права наблюдается своеобразный «бум», имеющий цель во что бы то ни стало реформировать УПК РФ, который в конечном итоге может привести к разрушению канонов и традиций уголовного судопроизводства. Предложение об упразднении подозреваемого или обвиняемого можно также отнести к разряду «разрушительных» для российского уголовного судопроизводства. Ибо исключение подозреваемого из уголовного судопроизводства приведет к очень серьезным проблемам: пересмотру института подозрения, переоценке сущности задержания, ликвидации уведомления о подозрении при дознании и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаврилов Б.Я.* Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. – Вып. 5. – Самара, 2010. – С. 329 – 335.

2. *Головко Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб. : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. – 544 с.

3. *Григорьев В.Н.* Институт подозреваемого завершает свою историческую миссию? // Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию проф. П.А. Лупинской (Москва, 8 апреля 2016 г.). – М. : Оригинал-макет, 2016. – С. 119 – 122.

4. *Давлетов А.А., Войт В.Г.* Институт подозрения нуждается в совершенствовании // Законность. – 1996. – № 7. – С. 23 – 26.

5. *Демин Д.В., Алексеев И.М.* К вопросу об институционализации подозрения // Общество и право. – 2016. – № 3. – С. 125 – 130.

6. Европейская конвенция о выдаче ETS № 024. Заключена и подписана Правительствами-членами Совета Европы 13 декабря 1957 г. // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.

7. *Калинкин А.В.* Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2016. – 24 с.

8. *Карибов К.Ф.* Подозреваемый, свидетель или «подозреваемый свидетель»? // Следователь. – 2000. – № 9. – С. 52 – 64.

9. *Колбеева М.Ю.* Уведомление о подозрении в совершении преступления как альтернатива привлечению в качестве обвиняемого // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2012. – № 8. – С. 108 – 113.

10. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов. Принята Резолюцией 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1973 г. // СПС «КонсультантПлюс».

11. Конвенция против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 39/46 от 10 декабря 1984 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – М. : Норма, 2002. – С. 230 – 241.

12. *Кругликов А.П.* Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2014. – № 11/2. – С. 106 – 112.

13. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. – М. : Статут, 2016. – 1278 с.

14. *Макаров Л.В., Портнов Ю.А.* Подозреваемый в уголовном судопроизводстве – наследие прошлого или осознанная необходимость? // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. – Вып. 5. – Самара, 2010. – С. 189 – 191.

15. *Малыхина Н.И.* Определение понятия «лицо, совершившее преступление» // Российская юстиция. – 2012. – № 12. – С. 19 – 21.

16. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2200 А (XXI) от 16 декабря 1966 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – 2-е изд. доп. – М. : НОРМА, 2002. – С. 52 – 74.

17. *Петров И.В.* Концептуальные основы подозрения в российском уголовном процессе // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. – 2011. – Вып. 9. – С. 131 – 137.

18. *Пономаренко С.И.* Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005. – 24 с.

19. *Попов С., Цепляева Г.* Нормы нового УПК о подозреваемом не обеспечивают гарантии его конституционных прав // Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С. 31 – 33.

20. *Разник А., Сорокин Ф.* Несостоятельность предложения о введении в процесс подозреваемого // Социалистическая законность. – 1955. – № 8. – С. 31 – 33.

21. *Рябин Р.* Нужна ли «фигура подозреваемого»? // Советская юстиция. – 1957. – № 2. – С. 60 – 61.

22. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме : принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 г. на 76-м пленарном заседании // Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – 2-е изд. доп. – М. : Норма, 2002. – С. 212 – 220.

23. Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) : приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН 45/110 от 14 декабря 1990 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – 2-е изд. доп. – М. : Норма, 2002. – С. 221 – 229.

24. *Тарасов А.А.* К вопросу о процессуальном статусе лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 2 (15). – С. 32 – 41.

25. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24 апреля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921; Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru - 24.04.2020.

26. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. – М. : Изд-во Юрайт, 2013. – 799 с.

REFERENCES (TRANSLITERETED)

1. *Gavrilov B.Ya.* Institut pred"yavleniya obvineniya: pravovye realii i mify // Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo processa Rossii : mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. V.A. Lazarevoj. – Vyp. 5. – Samara, 2010. – S. 329 – 335.

2. *Golovko L.V.* Al'ternativy ugolovnomu presledovaniyu v sovremennom prave. – SPb. : Izd-vo «Yurid. centr Press», 2002. – 544 s.

3. *Grigor'ev V.N.* Institut podozrevaemogo zavershaet svoyu istoricheskuyu missiyu? // Sovremennye problemy dokazyvaniya i prinyatiya reshenij v ugolovnom processe. Social'nye tekhnologii i pravovye instituty : mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 95-letiyu prof. P.A. Lupinskoj (Moskva, 8 aprelya 2016 g.). – M. : Original-maket, 2016. – S. 119 – 122.

4. *Davletov A.A., Vojt V.G.* Institut podozreniya nuzhdaetsya v sovershenstvovanii // Zakonnost'. – 1996. – № 7. – S. 23 – 26.

5. *Demin D.V., Alekseev I.M.* K voprosu ob institucionalizacii podozreniya // Obshchestvo i pravo. – 2016. – № 3. – S. 125 – 130.

6. Evropejskaya konvenciya o vydache ETS № 024. Zaklyuchena i podpisana Pravitel'stvami-chlenami Soveta Evropy 13 dekabrya 1957 g. // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2000. – № 23. – St. 2348.

7. *Kalinkin A.V.* Procedura vydvizheniya podozreniya kak garantiya prav lichnosti v ugolovnom sudoproizvodstve : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Saratov, 2016. – 24 s.

8. *Karibov K.F.* Podozrevaemyj, svidetel' ili «podozrevaemyj svidetel'»? // Sledovatel'. – 2000. – № 9. – S. 52 – 64.

9. *Kolbeeva M.Yu.* Uvedomlenie o podozrenii v sovershenii prestupleniya kak al'ternativa privlecheniyu v kachestve obvinyaemogo // Vestn. Kazan. yurid. in-ta MVD Rossii. – 2012. – № 8. – S. 108 – 113.

10. Konvenciya o predotvrashchenii i nakazanii prestuplenij protiv lic, pol'zuyushchihsya mezhdunarodnoj zashchitoj, v tom chisle diplomaticheskih agentov. Prinyata Rezolyuciej 3166 (XXVIII) General'noj Assamblei OON ot 14 dekabrya 1973 g. // SPS «Konsul'tantPlyus».

11. Konvenciya protiv pytok i drugih zhestokih i beschelovechnyh ili unizhayushchih dostoinstvo vidov obrashcheniya i nakazaniya. Prinyata Rezolyuciej General'noj Assamblei OON 39/46 ot 10 dekabrya 1984 g. // Mezhdunarodnye akty o pravah cheloveka : sb. dok. / sost. V.A. Kartashkin, E.A. Lukasheva. – M. : Norma, 2002. – S. 230 – 241.

12. *Kruglikov A.P.* Obvinyaemyj: nuzhen li takoj uchastnik v ugolovnom processe sovremennoj Rossii? // Vestn. Samar. gos. un-ta. – 2014. – № 11/2. – S. 106 – 112.

13. Kurs ugolovnogo processa / pod red. L.V. Golovko. – M. : Statut, 2016. – 1278 s.

14. *Makarov L.V., Portnov Yu.A.* Podozrevaemyj v ugolovnom sudoproizvodstve – nasledie proshlogo ili osoznannaya neobhodimost'? // Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo processa Rossii : mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. V.A. Lazarevoj. – Vyp. 5. – Samara, 2010. – S. 189 – 191.

15. *Malyhina N.I.* Opredelenie ponyatiya «lico, sovershivshee prestuplenie» // Rossijskaya yusticiya. – 2012. – № 12. – S. 19 – 21.

16. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskih pravah. Prinyat Rezolyuciej General'noj Assamblei OON 2200 A (XXI) ot 16 dekabrya 1966 g. // Mezhdunarodnye akty o pravah cheloveka : sb. dok. / sost. V.A. Kartashkin, E.A. Lukasheva. – 2-e izd. dop. – M. : NORMA, 2002. – S. 52 – 74.

17. *Petrov I.V.* Konceptual'nye osnovy podozreniya v rossijskom ugolovnom processe // Vestn. Balt. feder. un-ta im. I. Kanta. – 2011. – Vyp. 9. – S. 131 – 137.

18. *Ponomarenko S.I.* Sovremennye problemy realizacii processual'nogo statusa podozrevaemogo : avtoref. ... dis. kand. yurid. nauk. – Volgograd, 2005. – 24 s.

19. *Popov S., Ceplyaeva G.* Normy novogo UPK o podozrevaemom ne obespechivayut garantii ego konstitucionnyh prav // Rossijskaya yusticiya. – 2002. – № 10. – S. 31 – 33.

20. *Raznik A., Sorokin F.* Nesostoyatel'nost' predlozheniya o vvedenii v process podozrevaemogo // Socialisticheskaya zakonnost'. – 1955. – № 8. – S. 31 – 33.

21. *Ryabin R.* Nuzhna li «figura podozrevaemogo»? // Sovetskaya yusticiya. – 1957. – № 2. – S. 60 – 61.

22. Svod principov zashchity vsekh lic, podvergaemyh zaderzhaniyu ili zaklyucheniyu v kakoj by to ni bylo forme : prinyat Rezolyuciej General'noj Assamblei OON 43/173 ot 9 dekabrya 1988 g. na 76-m plenarnom zasedanii // Mezhdunarodnye akty o pravah cheloveka : sb. dok. / sost. V.A. Kartashkin, E.A. Lukasheva. – 2-e izd. dop. – M. : Norma, 2002. – S. 212 – 220.

23. Standartnye minimal'nye pravila OON v otnoshenii mer, ne svyazannyh s tyuremnym zaklyucheniem (Tokijskie pravila) : prinyaty Rezolyuciej General'noj Assambleej OON 45/110 ot 14 dekabrya 1990 g. // Mezhdunarodnye akty o pravah cheloveka : sb. dok. / sost. V.A. Kartashkin, E.A. Lukasheva. – 2-e izd. dop. – M. : Norma, 2002. – S. 221 – 229.

24. *Tarasov A.A.* K voprosu o processual'nom statuse lica, v otnoshenii kotorogo osushchestvlyaetsya ugolovnoe presledovanie // Evrazijskaya advokatura. – 2015. – № 2 (15). – S. 32 – 41.

25. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (v red. ot 24 aprelya 2020 g.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2001. – № 52. – St. 4921; Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii www.pravo.gov.ru - 24.04.2020.

26. Ugolovnyj process. Problemnye lekcii / pod red. V.T. Tomina, I.A. Zinchenko. – M. : Izd-vo Yurajt, 2013. – 799 s.